

Б.Й. ЖЕЛИЦКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ (ВЕНГЕРСКИЙ ОПЫТ XX века)

С появлением современных наций на повестку дня европейского развития встала проблема этнических и национальных меньшинств, которая в эпоху глобального возрождения этнического самосознания оказалась на обочине внимания международной общественности. Свидетельством тому является отсутствие общепринятого юридического определения понятия “национальное меньшинство”, надежной и действенной международной системы для реальной защиты прав меньшинств. В то же время положение национальных и этнических меньшинств и массивов в правящем иноязычном окружении остается одной из основополагающих проблем современности, которая, как это показали события на Украине, так и не нашла еще удовлетворительного решения. В период между мировыми войнами действовала далеко не совершенная международная система защиты прав меньшинств. После Второй мировой войны она фактически прекратила свое существование, став непригодной для современных условий. В рамках ООН, в результате принятия в декабре 1948 г. Всеобщей декларации прав человека, она была заменена защитой прав личности. Основным недостатком этой новой, казалось бы, универсальной системы, состоит в том, что в ней права этнических меньшинств не занимают центрального места, и в политической жизни она не гарантирует, следовательно, и не защищает права меньшинств как общности. Нерешенность проблемы национальных и этнических меньшинств (о ней свидетельствует многочисленная практика регулярного притеснения и ущемления их прав на протяжении всего XX в., этнические чистки в годы Второй мировой войны, предвоенные и послевоенные насильственные переселения народов с мест их исторического обитания, практика выселения и депортации народов, насильственная ассимиляция), периодические вспышки шовинизма и национализма сегодня тоже таят в себе опасность новых конфликтов.

Пытаясь составить общую характеристику положения венгерского национального меньшинства, состояния его правовой защищенности в условиях XX в., необходимо определить, какие группы населения следует считать “национальным меньшинством” и что понимать под этим термином. Ориентиром здесь может служить простое и всеобъемлющее универсальное определение, которое содержалось в Проекте договора венгерского правительства о защите национальных меньшинств, представленного Парижской мирной конференции в конце августа 1946 г. Во 2-й ч., гл. II, ст. 7 этого документа оно было определено так: “К национальному меньшинству относятся все те естественные лица, которые заявляют о своей принадлежности к нему”¹. В современных условиях, конечно, более конкретизированной может считаться формулировка из “Энциклопедии этносов”, выпущенной в Венгрии в конце XX в. Согласно содержа-

Желицки Бела Йозефович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Нота венгерской делегации, обращенная к Мирной Конференции по проекту договора о защите национальных меньшинств. – *Külpolitika* – Внешняя политика. Будапешт, 1989, с. 131.

шейся в ней дефиниции национальным меньшинством считаются группы людей, “члены которой по сравнению с базовой частью населения не занимают господствующего положения в государстве, но в виду своего этнического, религиозного и языкового характера отличаются от большинства, или же, если они считались меньшинством, хотя бы на протяжении двух поколений”². Допуская правомерность такой дефиниции, всё же представляется целесообразным определить “национальное меньшинство” (во всяком случае, венгерское) как этническую и языковую общность, которая оказалась отделенной от своего материнского большинства, обладающего собственной государственностью, но в отличие от него, став меньшинством, не располагает своей государственностью и пребывает в рамках другого национально-государственного образования. Меньшинством могут считаться также народности и другие иноязычные этнические общности в составе инациональных государств. Следует при этом отметить, что для каждого отдельного этноса или нации наряду с совместным историческим прошлым характерны общность языка, культуры и традиций, ущемление которых, как правило, представляет угрозу национально-этническому существованию любого меньшинства. Часть отдельных народов Центральной и Юго-Восточной Европы, некогда представлявших собой правящее национальное большинство того или другого государства (в частности, венгры или поляки), в условиях бурного XX в. оказалась на положении национального меньшинства. Иные нации (чехи, румыны, сербы, словаки, словенцы, украинцы), наоборот, будучи в прошлом меньшинствами в государствах под управлением других политических наций (австрийцев, немцев, русских, венгров), впоследствии сами стали правящими (титულными или заглавными) нациями, под властью которых находятся меньшинства.

По имеющимся подсчетам в Европе только вследствие мирных договоров конца Первой мировой войны около 30 млн человек очутились на положении национально-го меньшинства³. В составе этого массива оказалась также треть всего венгерского этноса. В результате территориальных переделов и перекройки политической карты, осуществленных в Версале якобы по этническому принципу, венгры стали самым разделенным народом Европы.

Обратившись к этой проблематике, следует сразу же подчеркнуть, что в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы именно венгерское национальным меньшинство оказалось наиболее многочисленным. В 80-е годы XX в. этническое венгерское меньшинство в сопредельных с Венгрией государствах составляло 3 млн 765 тыс. чел.; польское – 2 млн 80 тыс.; албанское – 2 млн 55 тыс.; немецкое – 1 млн 860 тыс.; украинское – 950 тыс.; турецкое – 805 тыс.; болгарское – 400 тыс.; шведское – 300 тыс.; македонское – 300 тыс.; итальянское – 240 тыс.; французское – 225 тыс.; словацкое – 203 тыс.; румынское – 180 тыс.; белорусское – 180 тыс.; словенское – 113 тыс.; хорватское – 77 тыс.⁴ Этот статистический ряд, составленный венгерскими демографами К. Кочишем и Э. Кочишне-Ходоши, содержит лишь такие меньшинства, материнская нация которых, подобно венгерской, располагает самостоятельной государственностью. При этом в основу сравнения легли базовые материалы переписей населения.

Чем и какими историческими причинами вызвано появление такого значительного венгерского национального меньшинства и какова география его размещения? Чтобы ответить на этот вопрос следует прежде всего исходить из отмеченного исторического факта: венгерское меньшинство в сопредельных с Венгрией государствах – это продукт миротворческой деятельности великих держав, которые после распада Австро-Венгерской монархии осуществили перекройку политической карты Европы без учета

² Etnikumok enciklopédiája. Budapest, 1993, 216. о. (Энциклопедия на с. 416 дает возможность ознакомиться со 166 национальными, этническими и религиозными меньшинствами мира).

³ См. отчет Minority Rights Group (London): Jelentések a határokön túli magyar kisebbségek helyzetéről (Csehszlovákia, Szovjetunió, Románia, Jugoszlávia). Budapest, 1988, 191–192. о.

⁴ Kocsis K., Kocsisné Hodosi E. Magyarok a határainkon túl a Kárpát-medencében. Budapest, 1991, 10. о.; Staraka M. Handbuch der europäischen Volksgruppen. Wien – Stuttgart, 1970.

этнических границ и особенностей в этом европейском регионе. В результате их фактического диктата по Трианонскому договору 1920 г. от Венгрии были отделены две трети ее исторической территории. Новые же государственные границы страны были определены версальскими миротворцами таким образом, что Венгрия лишилась не только инациональной (невенгерской) части своих граждан, но вместе с ними также более 30% этнического венгерского населения. В результате венгры стали самой разделенной, расчлененной на части нацией. Это означало, что 3,5 млн этнических венгров, – оставаясь на вековых землях своих предков, – оказались механически отделенными от материнской нации, и вместе со своими землями на положении национального меньшинства вошли в состав четырех других государств, в том числе двух новообразованных. На тех территориях, которые были отделены от Венгрии и переданы таким двум новым государственным образованиям, как Чехословацкая Республика и Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС – будущая Югославия), наряду с государствообразующими нациями до 1920 г. проживало соответственно 1 млн 72 тыс. и 465 тыс. этнических венгров. Они вошли в состав этих новых (как показал их последующий распад, во многом искусственных) государственных образований в качестве национального меньшинства. Наряду с ними, в таком же положении очутились еще 1 млн 700 тыс. этнических венгров, которые обитали на своих землях, без их спроса присоединенных к Румынии, а 26 тыс. – к Австрии⁵. Политические элиты этих четырех стран, создавая свои “национальные” государства и получая венгерские меньшинства вместе с их многовековыми территориями, даже не думали отказаться от них. Унаследовавшие их государства тогда обещали им равные с остальными гражданами права и свободы, но историческая практика показала невыполнение этих обещаний, т.е. на деле наблюдалось их неравенство. После Второй мировой войны к числу стран, где сохранились компактно проживающие венгерские национальные меньшинства, прибавился Советский Союз с 220-тысячным венгерским населением.

Согласно официальной статистике, в 1980 г. в Чехословакии осталось 750 тыс. венгров, в СССР – 200 тыс. (в том числе в Закарпатье – 185 тыс.), в Югославии – 464 тыс., в Румынии – 2 млн 100 тыс. В этих сопредельных с Венгрией странах основная часть венгерских общин проживает компактно, образуя лентообразную полосу за пределами государственной границы страны (а она лишь в малой степени совпадает с границами этническими). Наряду с ними в других странах Европы на положении меньшинства тогда проживало еще около 160 тыс. венгров, плюс 860 тыс. в остальных странах мира⁶. Последние не принадлежат, однако, к приграничному меньшинству. С распадом Чехословакии, СССР и Югославии к числу стран с компактно проживающим венгерским меньшинством (наряду с Румынией и Австрией) добавились также Словакия, Украина, Сербия, Словения и Хорватия. Места проживания венгерского меньшинства это, прежде всего: южнословацкие округа тогдашней Чехословакии; Северная Трансильвания в ее широком понимании (вместе с районами Бихар и Сатмар, отдельным анклавом Секейского края на юго-востоке, издавна населенным венгерской этнической группой – секейями) в Румынии; северный массив Воеводины и небольшая зона Словении и Хорватии в бывшей Югославии; юго-западная равнинная часть Закарпатье в составе СССР; пограничная зона Австрии, Бургеланд. Судя по приведенным показателям, численность венгерского национального меньшинства в сопредельных с Венгрией государствах в XX в. имела в основном ярко выраженную тенденцию к сокращению.

О правовом статусе и равноправии представителей национальных меньшинств была призвана заботиться, как известно, складывавшаяся тогда международная система защиты их прав. Как она сложилась и насколько эффективно функционировала в XX в, попытаемся показать здесь на примере того же венгерского меньшинства.

⁵ *Raffay E. Trianon titkai. Budapest, 1990. 153. o.*

⁶ *Kocsis K., Kocsisné Hodosi E. Op. cit., 9. o.*

Появлением зачаточных форм правовой защиты меньшинства вообще историки считают заключение соглашения между турецким султаном и христианским миром после завоевания турками Византии. Тогда греки, армяне и славяне удостоились права на свободное вероисповедание. Затем был Вестфальский мир 1648 г., который гарантировал права протестантскому меньшинству в западном католическом мире. Защите этнических меньшинств способствовал Венский конгресс 1815 г., когда Сардинское королевство (Пьемонт) получило право в случае необходимости заступиться за сардов, вошедших в состав Женевского кантона. На конгрессе были приняты предписания о защите меньшинств для расчлененной Польши. Протоколы Венского конгресса (9.V.1815) обязали три великие державы разрешать на своих территориях функционирование польских национальных институтов⁷. Затем завершивший Крымскую войну Парижский мир (1856) впервые в европейской истории наложил запрет не только на религиозную, но и на языковую и расовую дискриминацию. Все эти защитные функции были приняты еще в новое время, когда только начали зарождаться национальные движения.

Проблема национальных меньшинств по настоящему начала затрагиваться международными политическими силами лишь в конце Первой мировой войны в связи с мирным урегулированием и проведением соответствующих территориальных переделов, коренным образом изменивших облик Европы. Тогда в Париже в связи с подготовкой мирных договоров и возникла необходимость создания *международной системы правовой защиты национальных меньшинств*. Хотя заявленной целью миротворцев было установление прочного межнационального мира в Европе, в основу которого предполагалось вложить *этнический* принцип, базирующийся на известных 14 пунктах мирной программы президента США В. Вильсона, этим принципом в отношении Венгрии миротворцы практически пренебрегли. На мирной конференции 1 мая 1919 г. был создан специальный комитет по защите прав меньшинства, но его функции поначалу распространились исключительно на мирные договоры, заключавшиеся с новообразованными и увеличенными в размерах государствами Центральной и Юго-Восточной Европы. Те же, в свою очередь, посчитали несправедливым, чтобы намеренные обязательства защиты меньшинств касались только их, мотивируя это тем, что таким образом теряется всеобщая значимость этих прав и обязательств. Обсуждение вопроса было вынесено на пленарное заседание мирной конференции, где снова поднявшие проблему представители польской и особенно румынской делегации, возразили против взятия на себя обязательств по защите прав меньшинства, если они не станут всеобщими для всех членов Лиги Наций. В связи с возможными санкциями при нарушении прав меньшинства премьер-министр Чехословакии К. Крамарж посчитал лишним принимать санкции международного значения по этому вопросу, отметив, что его правительство, например, намерено включить права национальных меньшинств в конституцию республики. Он мотивировал это также тем, что принятие таких санкций может служить основой для внешнего вмешательства во внутренние дела страны. В таком же духе выступила сербско-хорватско-словенская сторона. Показательно, что Ж. Клемансо и возглавляемая им французская делегация тоже отвергли предложение о санкциях и высказались за отказ от включения их в статьи о правах нацменьшинств. Руководители же делегаций США, Великобритании и Италии, наоборот, поддержали предложение о международной защите прав меньшинства. В итоге обязательства о международной правовой защите меньшинств были вынуждены принять и остальные государства⁸.

Эти обязательства оказались, однако, малоэффективными и в политической жизни не давали меньшинствам достойных гарантий на защиту. Это вскоре осознали и сами миротворцы. Даже при явных нарушениях прав меньшинства лишь в том случае можно было принимать санкции и привлекать к ответственности нарушителей, если

⁷ См. Für L. Kisebbség és tudomány. Budapest, 1989, 11–14. о.

⁸ Für L. Op. cit., 12–15. о.

жалобы признавались обоснованными одним из членов Совета Лиги Наций, готовым вынести их на обсуждение в Лигу Наций. Расследование же нарушений отводилось в компетенцию постоянно действующего Международного Арбитража, решение которого не подлежало пересмотру. В итоге в Париже девять государств обязались обеспечить защиту прав меньшинств – Австрия, Венгрия, Болгария, Греция, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Польша, Румыния, Турция и Чехословакия. Защита прав меньшинств, таким образом, так и не стала тогда всеобщей, т.е. обязательной для всех государств. Мирные договоры в правовом отношении практически ограничились общей защитой прав человека, придерживаться которой рекомендовалось и остальным странам. К правам человека были отнесены: 1) равные права и свободы личности, независимо от места рождения, национальности, языковой, расовой и религиозной принадлежности; 2) гражданское равноправие; 3) равенство перед законом и в сфере политической жизни; 4) свобода профессиональной деятельности. Вопрос о коллективных правах практически не затрагивался, хотя к их зачаточной форме можно отнести меры по свободному использованию родного языка в частной и общественной жизни, в публичных выступлениях и в печати. В мирном договоре с Венгрией говорилось о праве меньшинств создавать и на собственные средства содержать “благотворительные, религиозные или социальные институты, школы и прочие воспитательные учреждения, возглавлять и контролировать их, свободно пользоваться в них родным языком и исполнять религиозные обряды”⁹. Схожие положения содержали мирные договоры и с другими странами. Кроме того, меньшинства сохранили за собой право обучения детей в начальных школах (в отдельных случаях и в средних) на родном языке. Парижские мирные договоры отдельным меньшинствам (евреи в Польше, евреи и секеи в Румынии, подкарпатские русины в Чехословакии) формально давали даже право на автономию.

Версальская система, таким образом, хотя и предусматривала определенную правовую защиту для меньшинств, необходимых гарантий ее реализации так и не предоставляла, что позволяло обходить и нарушать их права (выполнение обязательств фактически не контролировалось). Поэтому неудивительно, что после Второй мировой войны этой далеко не совершенной системой защиты прав меньшинств вообще пренебрегли. Она фактически развалилась, в результате чего национальные и религиозные меньшинства оказались в еще более сложном, совершенно незащищенном и бесправном положении, полностью зависимом от политических элит правящих наций. Ведь в мирных договорах, подписанных 10 февраля 1947 г. в Париже, отсутствовали параграфы о защите прав меньшинств. К тому же в связи с печальным опытом гитлеровской агрессии в послевоенных условиях сложилось распространенное мнение о нецелесообразности предоставлять меньшинствам коллективные права. Вместо них снова ограничились индивидуальными правами человека. Как известно, при обсуждении Устава ООН в июне 1945 г. такую идею отстаивала хорошо знакомая с американскими условиями председатель Комитета ООН по правам человека Э. Рузвельт, которая при этом оказалась малосведущей в сложных национально-этнических проблемах европейского региона. Она исходила из того, что “при соблюдении прав человека нет никакой необходимости заявлять о правах меньшинств”¹⁰. Оценивая такой подход к проблеме, венгерский историк Л. Фюр не без основания обратился к высказыванию английского политика В.Б. Смита, который в 1946 г. в этой связи заявил: “Гражданину Соединенных Штатов трудно понять, почему некоторые хотят сохранить национальные меньшинства, вместо того чтобы ассимилировать их”¹¹. К национальным меньшинствам в Центральной и Юго-Восточной Европе явно требовались и нужны поныне

⁹ Ibidem, 16–17. o.

¹⁰ *Joo R. Az Egyesült Nemzetek Szervezete és a nemzeti kisebbségek védelme. – Külpolitika, 1976, 4. szám, 62. o.*

¹¹ *Claude L. National minorities – an international problem. Cambridge, 1955, p. 141 (цит. по: Für L. Op. cit., 20. o.)*

иные, более деликатные подходы и решения, чем для условий всепоглощающего и переваривающего американского “плавильного котла”.

Прежде чем приступить к анализу событий и факторов, связанных с венгерским нацменьшинством, его конкретным историческим опытом, приобретенным в сопредельных с Венгрией государствах на протяжении XX в., представляется небезынтесным сформулировать некоторые характерные, базирующиеся на политической практике общезначимые положения, которые определяют судьбы национальных меньшинств.

Национальные меньшинства, оказавшись по той или другой причине в составе другого (инонационального) государства, так или иначе, попадают в зависимое (т.е. подчиненное) положение от политической элиты титульной нации. Их положение оказывается, как правило, менее благоприятным, чем у правящей нации данного государства. Конечно, многое зависит от того, какую цель преследует та или другая политическая элита в отношениях с нацменьшинствами, оказавшимися в ее подчинении. Фактическое отношение политической элиты титульной нации к национальному меньшинству всегда определялось, да и ныне зависит от того, как она воспринимает его: намерена ли сосуществовать с ним в мире, предоставляя меньшинству равные со своими гражданами права и свободы, либо отказывает ему в этом, и стремится ограничить его свободу, права, возможности и действия, лишая меньшинство пользования родным языком, национальной культурной, подавляя его самобытность и добиваясь скорейшей ассимиляции меньшинства.

Опыт истории новейшего времени показывает, что политические элиты заглавных наций (в отличие от средневекового периода) лишь тогда изъявляли готовность пойти на уступки иноязычным, инокультурным меньшинствам, предоставляли им возможность для сохранения своей “инаковости” и предоставляли им равные права, если:

- данная национальная группа (общность) была достаточно многочисленна и сильна, поэтому с ней приходилось считаться, так как не могли поступать иначе;
- на правящую политическую элиту оказывалось внешнее давление (существовал международный контроль);
- если данная этническая общность была столь незначительна (а следовательно, безопасна для нее), что великодушно можно было ей предоставлять все права.

Исторически сложилось так, что у народов, особенно в Центральной и Юго-Восточной Европе, очень сильно развито чувство самостоятельности и национальной идентичности. Здесь почти каждая нация веками была вынуждена защищать свою национальную самостоятельность и самобытность, в частности, в борьбе против оттоманского нашествия, австрийского и германского захвата или советского владычества. По этой причине в общественном сознании живущих здесь народов роль и ценность своей самостоятельной национальной государственности всегда были велики. Историки хорошо знают, что именно устремление национальных политических элит к созданию именно такой национальной государственности привело к развалу Австро-Венгрии, к образованию новых, якобы чисто “национальных” по характеру государств, хотя на деле эти новые образования являлись такими же многонациональными, как поверженная и расчлененная монархия. При этом, как отмечалось, ни одна из правящих национальных элит образованных в Версале новых государств не отказывалась от включения в свой состав наделенных им территорий, на которых проживали национальные меньшинства. Последствия необдуманных версальских решений народы региона переживали вплоть до начала XXI в. На рубеже веков в условиях роста национализма мы являлись свидетелями процесса уже повторного распада этих искусственно созданных в Версале конструкций – на деле многонациональных государств, в которых национальная проблема так и не нашла своего решения. Явным подтверждением тому стал мирный “развод” Чехии и Словакии, распад Югославии на составные национально-этнические элементы, свидетельствующие о стремлении народов добиться подлинной национально-государственной самостоятельности. При всем этом, однако, проблема меньшинств так и не находила достойного решения.

Вряд ли мы ошибемся, утверждая, что означенные выше явления и процессы свидетельствуют о живучести национальной идеи и национализма в рассматриваемом историческом регионе (и в прошлом, и в наши дни). Более того, учитывая опыт отношения правящих политических элит и наций к пребывающим у них национальным меньшинствам, здесь следовало бы рассуждать не просто о существовании национализмов, но даже об их экстремальных проявлениях с конкретными примерами. Это было бы тем более уместно, что изучение национализма и ущемления прав нацменьшинств на протяжении долгих десятилетий считалось табу для исследователей. И происходило это в условиях, когда как общие, так и специфические формы национализма в изобилии присутствовали в Центральной и Юго-Восточной Европы, включая межвоенный, послевоенный народно-демократический и социалистический этапы исторического развития. Объем настоящей статьи, конечно, не позволяет уделить этой проблеме должного внимания, но они, несомненно, имели место в политической жизни. Заметный ренессанс современного национализма переживают, видимо, те страны и нации региона, которые еще не прошли или только завершают стадию становления своей национальной государственности, либо те, где политические лидеры сами подогревают нетерпимость к инациональным меньшинствам, ущемляют их фундаментальные права. Наиболее яркие проявления такого рода современных воинствующего национализма имели место даже на рубеже XX–XXI вв. в Румынии, Словакии и на Украине. Даже после революции 1989 г. при поддержке уже новых политических элит имели место, например, погромы против Культурного союза венгров в Румынии, а первое десятилетие нового века ознаменовалось грубыми ущемлениями элементарных языковых прав венгерского меньшинства в Словакии. Проявление подобного рода попыток языкового национализма демонстрировала миру недавно и Украина.

Притеснения национальных и этнических меньшинств в области языка, культуры и образования, в сфере общественно-политической жизни – явление далеко не новое и не редкое. В сопредельных с Венгрией государствах они давали о себе знать с самого начала пребывания одной трети этнических венгров в статусе меньшинства, отрезанного от основного национального массива. Существующая система защиты их прав в истекшие десятилетия, как отмечалось, не давала им надежных гарантий от националистических поползновений со стороны политических элит тех правящих наций, под чью власть они попали. Для них, разумеется, самым естественным состоянием стало бы воссоединение с материнской нацией. Но, так или иначе, нацменьшинства, как были, так и остались наименее защищенными слоями населения в инациональных государствах. Такое реальное их состояние, конечно, не говорит об отсутствии в них конституционных положений и законодательных актов, формально провозглашающих равноправие меньшинств, но будучи декларированными, эти права на деле чаще всего не соблюдались. Однако если эти законоположения и не оказывались бы на практике фикциями, они, как показала жизнь, могли обеспечить лишь относительную, половинчатую и малоэффективную защиту для меньшинств в государстве правящего национального большинства.

Искусственное расчленение венгерской нации в 1920 г. оказало пагубное воздействие на состоянии не только отделенных от нее массивов и меньшинств, но и на весь венгерский народ. В исторической памяти разъединенной нации такая разобщенность закономерно считается несправедливым наказанием со стороны версальских “миротворцев”, которые якобы стремились к установлению справедливого, прочного и продолжительного мира в этом регионе. На деле они посеяли новые семена раздора между народами Европы. Какие испытания пришлось пережить трети венгров, оказавшейся на положении национального меньшинства в составе новых сопредельных инациональных государств, и как они реагировали на это? Как складывалась их судьба в последующие десятилетия? Насколько придерживались международных предписаний и правовых норм страны-преемницы в отношении венгерских меньшинств, отрезанных от материнской нации?

Третья часть всего венгерского народа, 3,5 млн венгров, были насильно отделены от основного этнического массива и превращены в национальное меньшинство. Это самое многочисленное меньшинство вместе с землями своих предков было введено в состав таких сопредельных с Венгрией новых европейских государств, как республика Чехословакия и Королевство сербов, хорватов и словенцев, а также существенно увеличенной в размерах Румынии (ее территория существенно выросла за счет трансильванских земель исторической Венгрии и восточной половины Баната, а также Буковины и Бессарабии) и Австрии. Подавляющее большинство венгерского меньшинства оказалось в Чехословакии и Румынии. Став гражданами этих государств, они автоматически очутились в неравном с титульной нацией положении. Ведь политические элиты этих стран, – несмотря на свои обещания в Версале (1920), а затем и в Париже (1947), – стали гораздо менее терпимы к своим меньшинствам, чем это было в условиях упраздненной Австро-Венгерской монархии. На протяжении XX в. положение национальных меньшинств в целом, как известно, только ухудшалось. С изменением государственных границ Венгрии многие венгры, желая избежать непредсказуемой ситуации и незавидного статуса представителя нацменьшинства, стремились переселиться на оставленные за Венгрией земли либо эмигрировали в третьи страны Европы и Америки. Число беженцев, покинувших по этой причине территорию стран-наследниц и переселившихся в значительно уменьшенную в размерах Венгрию, только в 1918–1924 гг. составляло 350 тыс. чел. Больше всего венгров покинуло пределы новой Румынии (197 тыс.) и Чехословакии (107 тыс.), гораздо меньше – Югославии (45 тыс.) и Австрии (1221); кроме них с территорий этих стран еще 40 тыс. чел. эмигрировали за океан¹². После Второй мировой войны процессы повторились – в результате депортации, высылки, вынужденного бегства и эмиграции численность венгерского меньшинства в этих странах продолжала сокращаться. Новая волна беженцев характеризовалась такими показателями: 125 тыс. венгров покинули тогда нынешнюю территорию Румынии, 120 500 оставили пределы Чехословакии, 45 500 – Югославии, 25 тыс. – Советского Союза¹³; все они переселись на территорию Венгрии. Кроме них в 1944–1945 гг. порядка полумиллиона венгров-эмигрантов покинули эти страны в западном направлении¹⁴.

Закономерен вопрос о наиболее характерных чертах положения 3,5 млн этнического венгерского меньшинства в сопредельных с Венгрией государствах, о степени его правовой защищенности в 20–90-х годах прошлого столетия. Учитывая, что в XX в. национальные меньшинства в правовом отношении вообще оказались мало защищенными, вряд ли ошибемся, утверждая, что венгерское меньшинство не стало исключением. Более того, будучи искусственно отделенным от основного венгерского массива, и находясь на положении приграничного национального меньшинства, которое кольцеобразно опоясывает Венгрию, оно периодически переживало тяжелые времена. Венгерские общины сопредельных государств часто подвергались испытаниям и притеснениям, которые (возможно, за исключением самого начального этапа пребывания в этом положении) далеко не соответствовали международным предписаниям, а нередко противоречили даже внутренним законам. В наиболее тяжелом положении очутилось венгерское меньшинство там, где его основная часть и проживала, т.е. в Чехословакии и Румынии.

В Версале (1920) все страны, наделенные венгерским нацменьшинством, давали соответствующие обещания и вначале даже демонстрировали готовность к их выполнению, но в дальнейшем ситуация стремительно менялась далеко не в лучшую сторону. Мирный договор с Чехословакией предписывал обеспечить меньшинствам полное

¹² *Kocsis K., Kocsisné Hodosi E.* Op. cit., 11. o.

¹³ *Ibid.*, 12–13. o. Этот показатель идентичен данным, приведенным в работе чехословацкого историка Й. Звары (*Zvara J. Nemzet, nemzetiség, nemzetudat.* Bratislava, 1985).

¹⁴ *Желицки Б.Й., Желицки Ч.Б.* Венгерские эмиграционные волны и эмигранты. Середина XIX – конец 50-х годов XX века. М., 2012, с. 313.

гражданское равноправие. Правящие круги этого нового государства тогда обещали им даже некоторые коллективные права в отношении родного языка и национальной культуры. В 1920 г. чехословацкий парламент принял закон №122 о языке, включенный в Основной закон республики. В конституционной демократии президента Т.Г. Маса-рика гарантировалось свободное пользование родным языком в делопроизводстве в районах, где меньшинство составляло хотя бы 20% населения (правда, хотя президент и не предполагал того, язык меньшинства в силу политизированности вопроса так и не стал административным). В 1921 г. начались переговоры о заключении венгеро-чехословацкого договора о меньшинствах, но они не были завершены. В Чехословакии, где национальные меньшинства (немецкое, венгерское, русинское и польское) составляли более трети населения, последние так и не добились полной реализации тех принципов и обещаний, которые давались им руководством страны в Версале¹⁵.

В Румынии в результате значительного увеличения территории страны (на западе и востоке) нацменьшинства также составляли порядка 27–28% населения. При этом даже по данным румынской переписи 1930 г. в Трансильвании наряду с остальными меньшинствами (немцы – 9,8%; евреи – 2%) удельный вес венгров составлял 26,7% (или же 1,7 млн человек)¹⁶. Ситуация на начальном этапе характеризовалась широким либерализмом, который, однако, быстро сменился великорумынским национализмом. Уже конституция 1923 г. провозгласила королевство “единым и неделимым национальным государством”, обещала равноправие всем гражданам, но о существовании в стране национальных меньшинств и не упоминала; всем гражданам предоставлялись свобода слова, печати, собраний и право на образование. Государственных школ с венгерским языком обучения было мало (всего 112), поэтому даже начальное образование венгерские дети приобретали, в основном через содержащиеся их родителями церковные или частные школы; среднее и профобразование было доступно только на румынском языке¹⁷. В 1922 г. венгерское меньшинство создало лояльно настроенную к государству Венгерскую партию Румынии, которая в 1928 г. стала второй крупнейшей парламентской партией страны. Вскоре, однако, ситуация стала стремительно ухудшаться. С 1936 г. румынские власти запретили показ фильмов на национальных языках, ввели запрет на использование в печати венгерских названий населенных пунктов, под запрет попали “вывески на иностранных языках”. С установлением королевской диктатуры в 1938 г. правительство приняло Статут о национальных меньшинствах, который сохранил право пользования родным языком в школах и в религиозных обрядах¹⁸.

В Королевстве сербов, хорватов и словенцев в мае 1920 г. был принят временный закон о защите меньшинств, составлявших тогда 18% населения (македонцы, албанские и мусульманские общины не считались таковыми). Им предоставлялись права равные с государствообразующими нациями. Нацменьшинства могли обучать детей на родном языке в начальных классах, в дальнейшем в зависимости от своих возможностей им разрешалось открывать национальные школы и даже создавать партии. Но уже в 1929 г. с утверждением королевской диктатуры и принципа “один народ – одно государство” национальные партии оказались под запретом. Конституция 1931 г. провозгласила равенство всех перед законом, свободу религиозного вероисповедания, однако государственная поддержка начального образования уже была отменена, и венгерские школы стали двуязычными¹⁹.

Для венгерского меньшинства Югославии временем наибольших национальных потрясений стал осенне-зимний период 1944 г. Тогда десятки тысяч венгров оказались

¹⁵ Magyarok a Kárpát-medencében. Budapest, 1988, 243. о.

¹⁶ Ibidem; *Сас 3*. Из общего исторического прошлого Венгрии и Румынии. – *Külpolitika* – Внешняя политика. Будапешт, 1989, с. 10.

¹⁷ Magyarok a Kárpát-medencében, 243. о.

¹⁸ *Сас 3*. Указ. соч., с. 12–14.

¹⁹ Magyarok a Kárpát-medencében, 243. о.

в концентрационных лагерях, подверглись депортации или были вынуждены покинуть родные места. Сначала королевские четники, а затем партизаны Тито держали в постоянном страхе жителей около 50 венгерских населенных пунктов, уничтожая ни в чем неповинное мирное население. Отдельные части последних вторглись также в пределы Венгрии, требуя от местной администрации близлежащих поселений “присоединения” к Югославии²⁰. Об этих событиях и особенно о неимоверных кровавых жертвах среди венгерского меньшинства, долгое время умалчивалось. Число жертв вначале оценивалось от 10–20 до 50–60 тыс. чел.²¹, но после продолжительного сбора поименных данных специалисты наиболее вероятной стали считать цифру в 20–30 тыс. венгров, ставших жертвами резни.

Завесу молчания вокруг проблемы первым прорвал венгерский писатель Т. Череш, написав книгу “Холодные дни”. Он начал с разоблачительного признания независимых действий группы своих соотечественников, которые в январе 1942 г. при возвращении венгерской администрации на югославскую территорию вместе с венгерскими внутренними войсками вошли туда и на протяжении трех дней совершили свои злодеяния в трех югославских населенных пунктах. Писатель от имени своего народа выразил извинение за эти поступки. Затем он выжидал 30 лет, надеясь получить подобное покаяние от сербских коллег за совершенные их соотечественниками кровавые преступления, которые осенью–зимой 1944 г. долгих 45 дней совершали против венгров свои злодеяния. Не дождавшись ответной реакции, Т. Череш в 1991 г. опубликовал новую документальную книгу (“Кровавая месть в Бачке”), обратившись теперь к описанию событий осени–зимы 1944 г. Книга содержит сведения о 34 491 венгре, убитом югославами в конкретно названных населенных пунктах Бачки. Параллельно с этими данными в книге на основе югославских источников приведены цифры и о 3130 югославских гражданах, ставших жертвами “холодных дней” 1942 г.²²

После этих тяжелых испытаний и трагических событий, осужденных впоследствии новым политическим руководством Югославии, положение венгерского меньшинства стало резко меняться. Еще в декабре 1944 г. член руководства СКЮ М. Джилас одним из первых заявил: “Не может каждый венгр отвечать за преступления Хорти и Салаша. Они не могут быть ответственны и не должны отвечать за них. Фашистские преступники и убийцы есть среди сербов и хорватов, словенцев и македонцев... А преступников, руки которых замараны кровью народа, следует наказать”. Свое отношение к отмеченным событиям впоследствии выразил и бывший военно-политический деятель югославской Воеводины И. В. Жарко. Он отметил: “Некоторые считали, что с венграми следует поступать также как с немцами. Поднимали головы шовинистические элементы, готовые мстить всему венгерскому населению... Совершались тяжкие ошибки и преступные действия, в отдельных местах уничтожались граждане венгерской национальности, которые не имели никакого отношения к зверствам фашистов”²³.

Конституция послевоенной Югославии, принятая 31 января 1946 г., всем национальным меньшинствам предоставила равные права в политической, экономической и культурной жизни, но о национальном самоуправлении в ней вопрос не затрагивался. В то же время Воеводина в рамках Республики Сербской получила статус автономии. Хотя численность венгерского меньшинства Югославии после войны сократилось, первая перепись населения Югославии 1948 г. зафиксировала присутствие там 496 492 венгров (3,2 % всех жителей страны). Из них 428 750 проживали на территории Вое-

²⁰ *Balogh S. Magyarország és szomszédai 1945–1947.* Budapest, 1995, 8. o.

²¹ *Ibidem; Matuska M. A megtorlás napjai. Újvidék – Novi Sad, 1991, 393. o.; Sajti Enikő A. Délvidék 1941–1944.* Budapest, 1987.

²² *Cseres T. Vérbosszú Bácskában.* Budapest, 1991, 242–248. o.; см. также: Zlocini okupatora u Vojvodini, t. I. Novi Sad, 1946; *Ötven év hallgatás után. – Új Magyarország, 1994. október 15.*

²³ Обе цитаты взяты из работы венг. историка Ш. Балога: *Balogh S. Magyarország és szomszédai, 9. o.*

водины, где составляли 26% населения. В Хорватии осталось 50 тыс., в Словении – 10 тыс. венгров²⁴. Это означало, что в послевоенной Югославии венгры стали вторым наиболее многочисленным национальным меньшинством.

Политическое руководство во главе с Тито еще весной 1945 г. провозгласило толерантную национальную политику. В 1953 г. политика югославского самоуправления распространилась на сферы культуры и всей общественной жизни. В 1959 г. Союз коммунистов Югославии принял специальное решение о национальных меньшинствах, которое определило принцип их так называемой двойной привязанности²⁵. В результате в равной мере поощрялись связи и устремления представителей нацменьшинств, как со страной их проживания, так и с основной частью нации, к которой они принадлежали в этническом и языковом отношении. Меньшинства считались при этом органической частью югославского общества и насильственной асимилиации не подвергались. Двухязычие поощрялось, обучение детей проводилось на родном языке, национальные и культурные организации получали государственную поддержку. Система школьного образования, по сравнению с другими соцстранами, находилась в хорошем положении. В 1945–1949 гг. число венгерских начальных школ выросло с 733 до 4500; позднее была создана также система средних школ и гимназий, а в университете Нови Сада в 1959 г. открылась кафедра венгерского языка, где готовились педагогические кадры. Конституция 1963 г., провозгласив этнические меньшинства национальностями, способствовала оздоровлению в национальной политике страны.

С принятием в 1974 г. последующей конституции Югославии национальный вопрос был отдан в компетенцию союзных республик, которые создали свою вертикаль национальных государственных организаций. Но Сербия, где проживало около 90% югославских венгров, стала исключением. Венгры лишились возможности создавать свои политические организации. Данное ограничение явно объяснялось нежеланием предоставить подобные права албанцам Косова, имевшего одинаковый с Воеводины статус. Воеводина при этом получила территориальную автономию и имела собственный парламент, в котором с 1945 г. венгры были представлены 37 депутатами (из 150); в парламенте же Сербии они имели 26, а в союзной скупщине – 3 депутатских места²⁶. С началом децентрализации, созданием в стране общественных организаций на национальной основе, венгры получили такую же возможность. Этой относительно благополучной ситуации, однако, положил конец приход к власти С. Милошевича, а затем принятие новой конституции Сербии, которая ликвидировала даже автономию Воеводины. Право на создание своих политических организаций и самостоятельных партий, способных защитить национальные интересы венгерского меньшинства, венгры получили только после распада Югославии.

Вследствие политики национальной нетерпимости правящих элит положение венгров в Румынии и Чехословакии оказалось намного хуже, чем в титовской Югославии. Прежде чем привести конкретные доказательства такому утверждению, забегая вперед следует отметить, что в 1944 г. венгерские общины Трансильвании не меньше пострадали от жестокости румынских национал-шовинистов, чем происходило в Югославии. А в послевоенной Чехословакии для венгерского меньшинства настали тяжелые времена: прошли невиданные прежде в цивилизованном мире этнические чистки, массовое ущемление прав. Война, конечно, своеобразный способ изгнания народов с исторических мест их обитания, массового уничтожения и депортаций, проведения масштабных этнических чисток. Но если до Второй мировой войны (не считая геноцида армян) массовое выселение или переселение целых народов, этнических групп в целях изменения этнического состава населения в политической практике Европы

²⁴ *Hornyák Á.* Magyarok a második Jugoszláviában. – *Limes*, 2012, 4. sz., 57. o.

²⁵ *Kövágó L.* A jugoszláv kommunisták föderációs nemzeti politikája. Budapest, 1988, 120–122.

²⁶ *Hornyák Á.* *Op. cit.*, 58–60. o.

было немислимо, то в конце войны и после нее стало привычным инструментом из-бавления от национальных меньшинств. Черта недопустимого была пройдена.

Именно такого рода действия, противоречащие всем международным нормам, включая даже недавно до этого принятые в ООН права человека, были применены против беззащитного венгерского меньшинства в послевоенной Чехословакии. То, что в первой Чехословацкой республике Т.Г. Масарика (или в королевской Румынии) еще считалось недопустимым, произошло после войны. Экс-президент Чехословакии Э. Бенеш, считавшийся ранее “образцовым демократом”, уже в годы войны стал выступать за полное очищение будущей Чехословакии от национальных меньшинств и за создание своего чисто национального государства. В Ватикане его программные намерения были зафиксированы таким образом: “Чехословакия станет национальным государством без национальных меньшинств; этой цели мы достигнем посредством изгнания части меньшинства, а с другой стороны – путем их насильственной ассимиляции”²⁷. Будущий президент послевоенной Чехословакии расчетливо и хладнокровно шел к реализации своего плана и, заручившись предварительным согласием И.В. Сталина, успел сделать многое из задуманного.

Сразу после Второй мировой войны, уже в условиях второй бенешевской “демократии”, венгерское население Чехословакии было лишено гражданства и частично депортировано, выселено, обменено или подвергнуто “ресловакизации” (многие венгры, если хотели остаться на землях своих предков, были вынуждены подписать отказ от своей истинной этнической принадлежности и просить считать их словаками по национальности; это тогда называли “ресловакизацией” или “возвращением” в лоно словацкой нации). Весь этот комплекс принудительных мер, невиданным в истории образом был направлен против национальных меньшинств, жителей послевоенной Чехословакии, восстановленной в ее довоенных границах.

Репрессивные меры против венгерского гражданского населения в послевоенной Чехословакии предпринимались с начала 1945 г. Тогда при содействии словацких властей около 20 тыс. венгерских мужчин и женщин были депортированы в СССР. Затем до июля 1945 г. еще 32 тыс. (бывшие беженцы 1918–1920 гг., возвратившиеся в родные места после первого Венского арбитража 1938 г.) подверглись высылке из страны. Кроме них около 14 тыс. венгров, опасаясь за жизнь своих семей, сами сбежали в Венгрию²⁸. Судьбу остальных предредила Кошицкая программа, принятая 5 апреля 1945 г. Одна из глав (VIII) этого документа оказала самое пагубное воздействие на положение венгерского меньшинства, возложив на него (наряду с немецким меньшинством) коллективную ответственность за распад Чехословакии. Венгры Чехословакии оказались в совершенно бесправном, ничем не защищенном положении, подверглись гонениям и преследованиям, нечеловеческому обращению. Но самым суровым наказанием для них стало исполнение принятого 2 августа 1945 г. декрета президента Э. Бенеша за № 33, который лишил практически всех венгров чехословацкого гражданства (за исключением участников партизанского движения и Словацкого национального восстания). Причем этот декрет был призван оправдать все уже принятые и еще предполагавшиеся дискриминационные меры в отношении венгерского населения Чехословакии в 1945–1948 гг. Именно на его основе была сделана попытка полного изгнания всего венгерского меньшинства со своих земель и его перемещения на территорию Венгрии²⁹.

Когда такой подход к решению “венгерского вопроса” в Потсдаме встретил возражения и было предложено проведение между странами двусторонних переговоров по этому вопросу, стороны начали обсуждение проблемы. Чехословацкая сторона добивалась передачи Венгрии всех проживавших в Словакии венгров. Выяснилось,

²⁷ *Für L. Op. cit.*, 19. o.

²⁸ *Balogh S. Op. cit.*, 11–12. o.; *Kocsis K., Kocsisné Hodosi E. Op. cit.*, 25. o.

²⁹ *Zseliczky B. Beneš, a magyar kérdés és a Szovjetunió 1943–1948. – Múltunk, 2005. 2. sz., 36–72. o.*

однако, что Венгрия может принять такую массу венгров только вместе с территорией их многовекового проживания, на что Прага не была готова. Но, воспользовавшись возможностью паритетного обмена населением между странами, она рассчитывала на то, что таким образом достигнет своей цели. 27 февраля 1946 г. стороны достигли договоренности об обмене населением, предложенной чехословацкой стороной. В ходе реализации основной части обмена, затянувшейся с весны 1947 г. по 10 апреля 1948 г., из южных регионов Словакии на территорию Венгрии было насильно перемещено 89 660 венгров, которых обменяли на 73 187 словаков³⁰ (весь “трансфер” закончился только в 1949 г.). Обмен не стал равноценным, несмотря на то что чехословацкие органы на территории Венгрии в ходе широко разрекламированной кампании сами выявляли и вербовали людей для переселения в Словакию³¹. Такой результат стал неожиданным для Праги, он не удовлетворил чехословацкое руководство, которое надеялось не на частичное, а на полное избавление от венгерского меньшинства. Как выяснилось, рассчитывать на более существенный результат нельзя было даже при равноценном обмене. Ведь на юге Словакии проживало в шесть раз больше венгров, чем словаков по всей Венгрии (соответственно 652 тыс. и 105 тыс.)³². Прага однако продолжала искать другие пути для окончательного решения “венгерского вопроса”. На мирной конференции в Париже она, поэтому попыталась в обход венгров договориться с миротворцами и навязать Венгрии принятия дополнительно еще 200 тыс. словацких венгров. И хотя эта акция не увенчалась успехом, в комплексе она угрожала самому существованию венгерского меньшинства Словакии. Наряду с далеко не добровольным обменом населения Прага использовала и другие, явно не соответствовавшие ложному имиджу “бенешевской демократии” средства и методы, нарушая права венгерского национального меньшинства.

Декреты Бенеша сделали свое дело – лишив гражданства всех венгров Чехословакии, они автоматически превратили их в совершенно беззащитную, бесправную массу. Венгерское меньшинство автоматически потеряло также все гражданские права, включая право на собственность, на образование, на пенсионное обеспечение, на медицинское обслуживание и т.д. Политическая элита Чехословакии во главе с Бенешем, таким образом, практически перестала считаться с международными правовыми положениями и обязательствами в отношении меньшинства. Она полностью пренебрегла даже самыми элементарными гуманистическими нормами и требованиями. Декреты Бенеша и их последствия в комплексе стали серьезной угрозой самому существованию венгерского меньшинства в этой стране.

В послевоенные годы (1945–1948) именно на основании декретов Бенеша в Чехословакии были закрыты все начальные и средние школы с венгерским языком обучения, ликвидированы образовательные и культурные учреждения и общества, под запретом оказалась печать и книгоиздание на национальных языках. При всем этом долгие годы венгерская молодежь была лишена возможности учиться не только на родном, но даже на словацком языке. В государственном масштабе функционировала система запугивания и насильственной ассимиляции венгерского населения. Атмосфера, воцарившаяся тогда в стране, в обществе в целом, вместе с сопутствовавшими этот процесс явлениями, поставили ни в чем неповинное венгерское гражданское население в невыносимое положение. Нагнетанию обстановки страха, запугивания венгерского меньшинства в Чехословакии способствовала и массовая депортация венгерского населения, проведенная также на основе декретов Бенеша. Наряду с навязанным обменом населения, попыткой избавления дополнительно еще от 200 тыс. венгров, че-

³⁰ Желицки Б.Й. Проблема выселения венгров из Чехословакии. – Национальная политика в странах формирующегося советского блока 1944–1948. М., 2004, с. 253; Подробнее см. с. 211–283 и 497–523.

³¹ Zvara J. A magyar nemzetiségi kérdés megoldása Szlovákiában. Bratislava, 1965, 32. o.

³² Dokumentumok. Csehszlovák–magyar tárgyalások a lakosságcsereéről 1945 decemberében. – Múltunk, 1989, 2. sz., 122. o.

хословацкие власти 19 ноября 1946 г. начали насильственное переселение венгерского меньшинства из Словакии в Чехию (в места изгнанных оттуда немцев). Эти действия сопровождались полной конфискацией имущества переселенцев. Депортация в Богемию и Моравию была начата неожиданно и без предварительного предупреждения и развернута при 20-градусном морозе. В ночные часы чехословацкие войска окружали венгерские поселения, поднимали людей и, предоставив им время (один-полтора часа) для сбора, сажали в военные грузовики и без какого-либо объяснения причин, целей и пути назначения увозили венгров в места их высылки. Каждому из них разрешалось брать собой ручную кладь до 50 кг. В ходе депортации до 25 февраля 1946 г. со своих родных мест было насильно переселено около 10 тыс. венгерских семей общей численностью 44 тыс. чел.³³ Депортации с ее бесчеловечными методами подверглось тогда население 393 венгерских сел. «Хотя эту акцию [официально] именовали “вербовкой”, – писал впоследствии чехословацкий историк Ю. Звара, – на самом деле, за малым исключением, речь шла о насильственном выселении, причем с задействованными в нем участниками обращались как с военными преступниками»³⁴.

Венгерское меньшинство Словакии испытало и другие, не менее изощренные формы унижительной национальной дискриминации. Одной из них стала уже упомянутая “ресловакизация”³⁵ (по официальной версии, ее идеологи исходили из предположения, что в прошлом много словаков могли стать венграми, поэтому настало время вернуть их в лоно словацкой нации, т.е. ресловакизировать). На самом деле “ресловакизация” являлась скрытой формой насильственной ассимиляции венгерского национального меньшинства. Под давлением отмеченных обстоятельств венгры оказались перед вынужденным выбором: оставаясь венграми, лишиться гражданства и продолжать далее подвергаться дискриминации, или письменно заявив о своей национальной принадлежности к словакам, можно было оставаться на землях своих предков, избежать судьбы изгнанника, сохранить имущество и пользоваться всеми правами словака (но последнее вызвало морально-этические проблемы). По имеющимся подсчетам, через “ресловакизацию” в общей сложности были вынуждены пройти свыше 327 тыс. венгров³⁶ (правда, следует отметить, что к 1970-м годам многие из них восстановили свою первоначальную национальную принадлежность). Остальные выдержали выпавшие на их долю тяжелые испытания, связанные с национальной политикой Э. Бенеша, которая явно не соответствовала международным правовым нормам в отношении меньшинств.

В эпоху государственного социализма в сфере национальной и культурной политики чехословацкого руководства имели место определенные послабления, но положение коренным образом не изменилось. Ведь сама национальная проблема, вопросы положения национальных меньшинств оставались в “холодильной камере” социализма, и не только в Чехословакии. По Конституции ЧСР 1960 г. национальные меньшинства не признались отдельной самостоятельной общностью. Она, конечно, “гарантировала” право меньшинствам на использование родного языка, но административно-территориальное деление, к примеру, в Словакии, было проведено таким образом, чтобы это право на практике не могло реализоваться³⁷. К тому же это элементарное право, право человека свободно пользоваться родным языком (теоретически гарантированное международными нормами, правами человека), вплоть до наших дней временами снова и снова нарушалось.

³³ Jelentések a határokon túli magyar kisebbségek helyzetéről (Csehszlovákia, Szovjetunió, Románia, Jugoszlávia). – Medvetánc, Budapest, 1988. 193. о. См. также: Восточная Европа в документах архивов 1944–1948. т. 1. М. – Новосибирск, 1997, с. 232; Национальная политика..., с. 303.

³⁴ Zvara J. Madarska mensina na Slovenscu po roku 1945. Bratislava, 1969. S. 67.

³⁵ Желицки Б.И. Проблема выселения..., с. 251–260.

³⁶ История Словакии. М., 2003, с. 339; Jelentések a határokon túli..., 192.о.

³⁷ Pritz P. 20. Századi szomszédaink – némi visszapillantással. – Kültügyi Szemle, 2012, 4. sz., 130. о.

В Румынии осенью 1944 г. была, как известно, восстановлена королевская власть, монарх провозгласил начало новой эпохи, гарантию прав и свобод для всех граждан. В Северной Трансильвании, однако, новая румынская полувоенная администрация выступила в иной роли: десятки тысяч венгров были интернированы в лагерях, среди мирного венгерского населения орудовали банды румынской националистической организации “гвардейцы Маниу” во главе с Г. Олтяну³⁸, совершившие кровавые злодеяния. Массовые грабежи и убийства, жестокая расправа с мирным венгерским населением (вырезались семьи, уничтожались целые населенные пункты) достигли таких масштабов, что заставили советское командование вернуть с линии фронта отдельные танковые части, чтобы навести порядок в тылу и оградить венгерское население края от уничтожения. В итоге в Северной Трансильвании установилось управление временной советской военной администрации.

После окончания такой относительной “самостоятельности” Северная Трансильвания стала частью Румынии. В марте 1945 г. с назначением главой нового румынского правительства П. Грозы, были сделаны некоторые конкретные шаги к румыно-венгерскому примирению. Небезынтересно отметить, что еще в декабре 1944 г., реагируя на реплику Ю. Маниу о том, что “мы – авангард римской цивилизации, оставшийся остров среди славянского, венгерского и турецкого болота”, П. Гроза напомнил ему о совершённых в Трансильвании жестокостях. “Что за авангард, который топором рубит головы трансильванских венгров, а участников митинга, требующих человеческой жизни, уничтожает и сажает в тюрьмы? – вопрошал политик. – О, боже, как многое следует нам еще сделать в этой стране, чтобы смыть с себя позор!”³⁹. Выступая в г. Клуже в марте 1945 г., премьер-министр страны говорил о равноправии граждан, о примирении трансильванских народов. При нем в Трансильвании, где по венгерской переписи населения 1910 г. проживало 1,7 млн венгров (по румынской 1930 г. – 1,5 млн), существовала свобода слова, собраний и печати. Закрывались лагеря, люди возвращались в свои дома⁴⁰.

В новых условиях венгерские демократические силы начали играть весомую роль в политической жизни Румынии. Коалиционное правительство П. Грозы пообещало нацменьшинствам (венграм, немцам, евреям, сербам, украинцам и др.) справедливое решение национальной проблемы. Единственной политической организации венгров, Венгерскому Народному Союзу, 3 июля 1946 г. Бухарест поручил срочную разработку законопроекта о национальностях, что и было сделано. Подготовленный им Статут о правах национальных меньшинств запрещал любую дискриминацию на основе национальности, языка и религии. Им предусматривалось образование институтов для защиты коллективных прав национальных меньшинств, он регламентировал право пользования родным языком в личной и общественной жизни, определял задачи государственных органов в этой сфере. Следует отметить, что официальный Бухарест, впоследствии часто прикрывался этим документом, демонстрируя мировой общественности якобы серьезность своих намерений справедливо решать национальную проблему. На самом деле в политической жизни Статутом власти полностью пренебрегли – документ не дошел даже до постановки на повестку дня в парламенте⁴¹. Правда, во многом именно благодаря разработке этого документа произошли ощутимые положительные сдвиги хотя бы в сфере образования и культурной жизни венгерского меньшинства. Отдельные положения Статута были, правда, нашли отражение в новой Конституции Румынии 1948 г. Ее 26-я статья на какое-то время обеспечила самому многочисленному в регионе венгерскому нацменьшинству право на свободное использование родного языка в системе образования, судопроизводства и государственном управлении.

³⁸ *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946. М., 2008, с. 163–165.

³⁹ *Groza P.* A történelmi múltunkban. Budapest, 1986, 20. o.

⁴⁰ *Cac Z.* Указ. соч., с. 10; *Balogh S.* Op. cit., 14–15. o.

⁴¹ Там же, с. 26–27.

В области национальной культуры и образования венгерскому сообществу тогда удалось добиться серьезных успехов. В Северной Трансильвании сохранилась система венгерского школьного образования, в Южной – начали работать начальные школы и одна средняя с венгерским языком обучения. Летом 1945 г. был принят закон об открытии в г. Клуже самостоятельного Коложварского университета им. Яноша Бойаи, где языком преподавания остался венгерский. Правда, медицинский и фармацевтический факультеты вуза могли разместиться только в Тыргу-Муреше, где в феврале 1946 г. открылся также венгерский театр. В Клуже открыли двери городская Высшая школа изобразительных искусств и Сельскохозяйственный институт, а городской Венгерский театр получил статус государственного театра. Все эти позитивные перемены прошли, однако, на фоне закона 1945 г. о лишении румынского гражданства лиц, которые в 1940 г. временно покинули места своего жительства (независимо от того, бежали они сами или были угнаны). Таких в Северной Трансильвании насчитывалось 200–300 тыс., а в Южной – 100 тыс. чел.⁴²

Вслед за кратковременными положительными сдвигами в жизни трансильванских венгров уже в начале 50-х годов наступили ограничения и урезание прав венгерских общин Трансильвании. Сократились и лимитировались их возможности, прежде всего в области образования на родном языке. В местах со смешанным этническим составом населения венгерские школы были объединены с румынскими, либо закрылись. В 1956–1958 гг. произошло это даже в крае сплошного проживания венгерской этнической группы чанго на Секейфёльде. В 1959 г. пришел конец самостоятельному существованию Коложварского венгерского университета. Его объединили с румынским университетом, и он стал Университетом им. Бойаи – Бабеша, где преподавание велось на двух языках. В последующие десятилетия в вузе произошло дальнейшее сокращение преподавания на венгерском языке, включая даже такие предметы, как венгерская литература и национальная культура, которые к концу 1980-х годов были почти окончательно вытеснены из учебной программы. Произошло это и в других вузах, где ранее преподавание велось на венгерском языке. Венгры лишились возможности получить образование на родном языке в Высшей школе изобразительных искусств, в консерватории, в педагогическом и медицинском (Тыргу-Муреш), а также в политехническом (Тимишоары) институтах⁴³. В результате национальной политики Н. Чаушеску к середине десятилетия в Румынии оказались закрытыми не только все самостоятельные венгерские высшие учебные заведения, но даже средние школы.

Таким образом, система международной правовой защиты национальных и этнических меньшинств, хотя и совершенствовалась в XX в., пополнялась новыми положениями, их воздействие на состояние меньшинств, по сути, осталось малоэффективным. Международные предписания, декларировавшие расширение прав меньшинств, далеко не всегда учитывались и выполнялись на практике. Поскольку политические элиты правящих наций пользовались ими по своему усмотрению, международные правовые нормы не могли обеспечить меньшинствам гарантированную защиту даже таких элементарных прав, как свободное пользование родным языком, не то что предоставить им полное равноправие и создать комфортные условия для их достойного национального существования в иноязычной среде. Иными словами, меньшинства на деле оставались в зависимом положении, часто в условиях ограниченного гражданского состояния. Конечно, принятие таких важных, определяющих права меньшинств документов, как Устав ООН (VI. 1945), Всеобщая декларация прав человека (XII. 1948) и договоров, одобренных Генассамблеей ООН (16. XII. 1966), Международного пакта о гражданских и политических правах (ратификация которого затянулась на целое десятилетие) и др. сыграли свою роль и положение меньшинств, хотя и медленно, но начало меняться. И все же мировая общественность еще мало продвинулась в вопро-

⁴² Balogh S. Op. cit., 15. o.

⁴³ Бекеши Б., Дайа Л., Энеди Ш., Шютэ А. Венгерское меньшинство в Румынии. Külpolitika – Внешняя политика. Будапешт, 1989, с. 31–34.

сах обеспечения надежной и гарантированной защиты прав меньшинства. Не все однозначно и с признанием права народов на самоопределение, которое еще в прошлом веке обросло условиями и оговорками, затруднявшими реализацию этого права. Сложившаяся система защиты прав, в виду недостаточно эффективного международного контроля над выполнением обязательств, оказалась не способной реально обеспечить надежную, гарантированную защиту прав и достоинства этнических и национальных меньшинств в современных (якобы мононациональных) государствах. Меньшинства же, лишённые коллективных прав и надежной международной защиты, сами по себе не способны должным образом отстаивать свои национальные интересы. Важным шагом в деле защиты меньшинств явилось подписание в 1975 г. Заключительного акта Хельсинкского совещания. Он предоставил право другим странам (включая государство материнской нации меньшинства) контролировать извне соблюдение обязательств, взятых на себя в отношении нацменьшинств. Ранее, когда обращение с меньшинством считалось исключительно внутренним делом государства, в котором они проживают, материнская нация не имела возможности заступиться за них.

Исторический опыт XX в. подтверждает, что даже при наличии современного комплекса правозащитных актов, уровень международной правовой защиты явно недостаточен для реального обеспечения прав меньшинств, оказавшихся под властью политических элит инонациональных государств. Расхождения между декларируемыми правами и реальностью по-прежнему громадны. Меньшинства в рассматриваемом регионе остались пленниками концепции “национальных государств”, которые при этом реально многонациональны. Оставаясь под властью одной правящей нации, не имея ни реального самоуправления, ни другой должной институциональной защиты, они часто беззащитны перед произволом правящих элит.

Анализ венгерского опыта убеждает, что в современном мире, особенно в Центральной и Юго-Восточной Европе, мало заявлять о приверженности отвлеченным правовым нормам. Без соответствующих гарантий и действенного международного контроля они не работают, не дают должных результатов. Опыт XX в. показал, что правящие политические режимы часто обращаются с ними по своему усмотрению и нарушают их права без каких-либо последствий. Меньшинства нуждаются в более надежной и эффективной системе защиты их прав под постоянным и действенным международным контролем. А для этого недостаточно лишь декларировать всеобщие права человека, но следует обеспечить подлинные и гарантированные условия для их национального, политического и культурного развития. Для сохранения национальных меньшинств, их языкового многообразия и перспективного развития в современных условиях нужна не формально провозглашенная или лишь обещанная, а реально функционирующая надежная международная защита. А она предполагает предоставление им гарантированные мировой общественностью коллективные права, включая право на территориальное или культурное самоуправление, а где это возможно – на воссоединение искусственно разъединенных народов.